

Азбука
PREMIUM
РУССКАЯ ПРОЗА

к н и г и

Аркадия и Георгия Вайнеров

в серии

«Азбука Premium. Русская проза»

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

ВИЗИТ К МИНОТАВРУ

ГОНКИ ПО ВЕРТИКАЛИ

ЛЕКАРСТВО ПРОТИВ СТРАХА

ПЕТЛЯ И КАМЕНЬ В ЗЕЛеной ТРАВЕ

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ПАЛАЧА

Я, СЛЕДОВАТЕЛЬ...

ОБЪЕЗЖАЙТЕ НА ДОРОГАХ

СБИТЫХ КОШЕК И СОБАК

НЕ ПОТЕРЯТЬ ЧЕЛОВЕКА

УМНОЖАЮЩИЙ ПЕЧАЛЬ

ГЕОРГИЙ ВАЙНЕР

Умножающий печаль

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Сергей Ордынцев:

ЭКСТРАДИЦИЯ

— Ты очень хитрый парень, — сказал Пит Флэнаган, повернул руль налево, и мы покатали в сторону Трокадеро.

Спорить с ним бессмысленно, как забивать лбом гвозди. Да и вообще разговаривать неохота. Жестяной пузырь машины был заполнен щемящей золотой песней саксофона Птицы Чарли Паркера, протяжной, сладкой, плотной, как облако из сливочного мороженого.

Через окно я рассматривал скачущее отражение нашей машины в зеркальных витринах — черный юркий «ситроен» с проблесковым синим фонарем на крыше. Его тревожный пульсирующий свет был неуместен в этом мягком воскресном утре, еще не увядшем от подступающей жары, от потной людской суеты, не задушенном синеватым угаром автомобильного дыма.

— Я не хитрый, — ответил я Флэнагану, когда мы выскочили на набережную и погнали по правому берегу. — Я задумчивый. По-русски это называется «мудак»...

— Правда? — переспросил на всякий случай Пит, хотя ему было все равно.

— Абсолютно, — заверил я серьезно. — Так и запомни: захочешь русскому сказать приятное, смело говори: вы, мол, месье, мудак... Это русский эвфемизм понятия «доброжелательный задумчивый мудрец».

— Запомню, — пообещал Флэнаган и повторил вслух: — Мьюдэк...

— Во-во! Так и говори...

Слева над рекой торчала Эйфелева башня, на которой полыхало неживыми белыми сполохами электрическое табло — «До 2000 года осталось 534 дня».

И что? Что теперь делать?

Воздетый в безоблачное голубое небо, фигурно скрученный железный перст торжественно и грозно предупреждал ни о чем — если бы там, в туманном небытии, через 534 дня должно было что-то случиться, от нас бы это тщательно скрывали. Мы живем в замечательное время, когда никого ни о чем заранее не предупреждают. А раньше нешто предупреждали? Разве что пророки о чем-то жалобно просили народы. Да кто же их когда слушал? Интернета тогда на нашу голову не было.

— Пит, ты знаешь, что через пятьсот тридцать четыре дня наступит новый век? — спросил я Флэнагана.

— А ты что, считал их? — усмехнулся Пит.

— Нет, я в управлении разведки подсмотрел секретный доклад — они предполагают, что это достоверная цифра. Ну, может быть, пятьсот тридцать шесть... Это ведь никогда до конца не ясно...

— Угу, — кивнул серьезно Флэнаган. — Скорее бы...

— А что случится?

— На пенсию можно будет уйти. Надоела мне наша собачья работа, — равнодушно сказал Пит.

— Да брось ты! Всякая работа — собачья. Не собачий только отдых, — глубокомысленно заметил я. — Но отдыхать все время нельзя.

— Это почему еще? — искренне удивился Пит.

— Отдых превратится в работу. Будешь мне жаловаться: надоел мне этот собачий отдых...

— Дурачок ты, — усмехнулся Пит. — Молодой еще...

Мы уже проехали Дефанс, миновали громаду Большого стадиона, сквозанули на оторут 9 — в сторону аэропорта Шарля де Голля. И от этой утренней воскресной пустоты, от желто-голубого света, окутывающего город золотистой дымкой, от печально-сладкой музыки

Чарли Паркера, от никнущей малахитовой зелени бульваров охватывало меня чувство щемящей грусти, смутного ощущения прощания, разлуки надолго, может быть, навсегда.

— Что будешь на пенсии делать, Пит?

— Жена присмотрела домик в Провансе. Там и осядем, наверное...

— А домой, в Шотландию, не тянет?

Флэнаган пожал плечами:

— Там уже нет моего дома... Там — скромный риэлтстейт. Старики умерли, ребята выросли, разъехались. Приятелей встречу на улице — не узнаю...

— Тогда покупай в Провансе, — разрешил я. — Буду к тебе наезжать, съездим в Грасс, там дом Бунина...

— Какой-нибудь новый русский?

— Нет, это очень старый русский...

— Богатый? — поинтересовался Пит.

— Умер в нищете.

— Странно, — покачал головой Пит. — Я не видел во Франции бедных русских.

— Оглянись вокруг. Вот я, например...

— Потому что ты — доброжелательный мудрец, задумчивый мьюдэк, — утешил Пит.

— Вот это ты очень правильно заметил, — охотно подтвердил я.

Город уплывал вместе с волшебной мелодией Паркера, которую почти совсем задушил, измял, стер тяжелый басовитый рык турбин взлетающих и садящихся самолетов. Индустриально-грущобная пустыня предместья, нахально рядящаяся под пригород Парижа.

— Я хочу рассказать тебе смешную историю, Пит...

Флэнаган, не отрывая взгляда от дороги, благодушно кивнул, наверное, сказал про себя по-английски: мол, валяй, мели, Емеля...

— Я в школе ненавидел учебу...

— Да, ты мало похож на мальчика-отличника, — сразу согласился Пит.

— На всех уроках я читал... Закладывал под крышку парты книгу — и насквозь с первого урока до последнего звонка. У меня не хватало времени даже хулиганить.

— Много упустил в жизни интересного, — заметил Флэнаган.

— Наверное. Я был заклятый позорный троечник — я никогда не делал домашних заданий и отвечал только то, что краем уха услышал на занятиях, читая под партой книгу. На родительских собраниях классная руководительница Ираида Никифоровна...

— Только у поляков такие же невыносимые имена, как у вас, — сказал Флэнаган.

— Не перебивай! Моя классная руководительница говорила маме: у вас мальчик неплохой, но очень тупой. Тупой он у вас! Тупой...

— Dumb? — переспросил Пит.

— Yes! Dumb, bone head — костяная голова, тупой!

Флэнаган захохотал.

— Вот ты, дубина, смеешься, а мама, бедная, плакала. Спрашивала растерянно учительницу: почему? Почему вы говорите, что он такой тупой? А Ираида Никифоровна ей твердо отвечала: это у вас с мужем надо спрашивать, почему у вас сын такой тупой!

Флэнаган взял со щитка голубенькую пачку «Житан», ловко выщелкнул сигарету, прикурил. Прищурившись, выпустил тонкую, острую струю дыма, покачал головой и сказал решительно:

— Это невеселая история, она мне не нравится...

— У вас, шотландцев, ослаблено чувство юмора...

Машина начала с мягким рокотом взбираться на спиральный подъездной пандус аэропорта.

— Это веселая история, — упрямо сказал я.

— Наверное, у вас, русских, действительно усилено чувство юмора, — пожал плечами Флэнаган.

— Ага! Как рессоры на вездеходе. Иначе не доедешь...

— По-моему, доехали, — сказал Пит, притормаживая у служебного входа.

Я взял с заднего сиденья свою сумку и повернулся к Флэнагану:

— Я рассказал тебе веселую историю. И для меня важную...

— Почему?

— Одна знакомая встретила недавно эту учительницу — Ираиду Никифоровну. Двадцать лет прошло — она старая стала, сентиментальная, все расспрашивала о наших ребятах, у кого что получилось, как жизнь сложилась. И моя знакомая по дуруости сказала, что самая яркая, неожиданная судьба вышла у меня. Классная руководительница послушала ее, послушала обо всех моих прыжках и ужимках, вздохнула и подвела итог: «Как все-таки несправедлива жизнь. Ведь такой тупой мальчик был!»

Флэнаган открыл бардачок, достал плоскую фляжку и протянул мне:

— Возьми... Может, пригодится, это хороший деревенский бренди.

— Спасибо, друг...

Я приспособил фляжку в кармане куртки, хлопнул Пита по плечу и вылез из машины. Он наклонился к двери, опустил стекло и сказал:

— Это была невеселая история...

— Нет, это была веселая история, Пит. Просто мы с тобой догадались, что старая карга была права... Пока, дружище! — махнул рукой и, не оборачиваясь, пошел в аэровокзал.

«Ситроен» с резиновым колесным визгом погнал прочь, беззвучно разъехались стеклянные двери передо мной, и я вошел внутрь праздника.

Удивительное гульбище, полное света, музыки, вкусных запахов, веселой и тревожной беготни, экзотических пассажиров — каких-то полуодетых ликующих негров и растерянных заблудившихся шикарных господ. Я вошел в атмосферу звонкого и чуть испуганного ожидания смены воздушной и земной стихий, мелькания реклам,

внушительной зовущей неподвижности огромных билбордов, восторженного удивления от нескончаемого путешествия в прозрачных трубах стеклянных эскалаторов. А закончился праздник у дверей полицейского офиса, где усатый жандарм в опереточной форме спросил меня вполне драматическим тоном:

— Что вам угодно, месье?

— Я — старший офицер Интерпола Сергей Ордынцев, — и протянул ему удостоверение.

Жандарм долго внимательно рассматривал коричневую кожаную книжечку, перевел суровый взгляд с фотографии на меня, скромного предьявителя, снова посмотрел на фото и, к моему удивлению, все-таки возвратил ксиву:

— Да, месье Ординсефф, вас уже ждут...

В офисе было полно народу — полицейские в форме, детективы в гражданском, клерки из министерства юстиции, российский консул Коля Аверин и еще четверо русских. Трое из них, несмотря на вполне приличные недорогие костюмы тайваньского или турецкого производства, мгновенно опознавались. Как русские, во-первых, и как менты — во-вторых. С толстыми буграми подмышечных кобур под пиджаками.

Русские — в смысле бывшие советские. Дело, наверное, не в национальности. Русский или татарин, вотяк или еврей — мы не растворяемся в европейском людском месиве. Будто пятая человеческая раса, существуем от других наособицу и отличимы от всех иных так же явственно, как белые, черные, желтые и краснокожие народы. Вот будет для будущих антропологов и этнографов загадочка — почему? В чем генетическая разница? Настороженное выражение лица? Колющий взгляд, исподлобья, в сторону — испуганный и атакующий одновременно? Не знаю. Никто не понимает. Я узнаю земляков в толпе даже со спины. По походке? У нас особенная стать? Бомжи и миллионеры, профессора и воры, молодцы и дедушки несут в себе незримую, но отчетливую

общность, которую ученые дураки из Гарварда назвали бы наследственной ментальностью зеков.

Мы все — выброшенная в мир мутация пожизненных арестантов. А, пустое! Не о чем и незачем думать. Все то, что не огонь, — то прах...

А вот четвертый русский был красавцем — настоящий валет из карточной колоды. Изящным взмахом головы откидывая назад шикарную гриву волос, молодой русский валет в пиджаке нежно-сливочного цвета, шелковой светло-голубой рубашке, широковатых элегантных трузерах, башмаках «Балли» и скромно поблескивающих на запястьях наручниках, он доброжелательно и снисходительно улыбался всем нам, суетливой толпе стрюцких.

Консул с распаренным бабьим лицом бросился мне навстречу:

— Сергей Петрович, мы уже волновались...

— Зря, — усмехнулся я и небрежно-значительно наврал: — Я никогда и никуда не опаздываю...

Поздоровался с французами, и в затхлой атмосфере полицейского участка еще долго летали, легкие и стрекочущие, как стрекозы, — «бонжур»... «коман сова?»... «рьен»... «бьен»... пока я не разрушил эту обстановку общей приятности:

— Господа, протокол экстрадиции арестованного готов. Согласны ли вы провести процедуру идентификации арестанта для передачи его российскому конвою?

— Да, французские власти завершили свою работу, — торжественно сообщил Пимашу, старший советник министерства юстиции, любезный прохвост и сука невероятная. Ведро крови из меня выщедил.

Я повернулся к красавцу-валету и попросил душевно:

— Встаньте, пожалуйста, и назовите внятно свое имя.

Роскошный валет, весь нарядно-ярко-красочный, будто только что сброшенный из новой хрусткой атласной колоды, встал и, так же любезно улыбаясь в элегантные блондинистые усики, сообщил:

— Меня зовут Смаглий Василий Никифорович, я гражданин России...

Пимашу, не понимающий по-русски и от этого особенно переживающий, что мы можем сговориться хоть и в его присутствии, но как бы в то же время за его спиной, перебил незамедлительно:

— Смаглий — это имя или фамилия?

Я постарался успокоить его:

— Смаглий — фамилия арестованного, его первое имя Василий. Это все есть в бумагах.

— Спасибо, — сказал Пимашу с озабоченным лицом, — у русских такие сложные имена.

— У поляков еще хуже, — патриотически заметил я.

А Смаглий учтиво кивнул и, глядя в упор наглыми синими глазами, молвил:

— Возвращаясь к тому месту, где этот козел меня бестактно перебил... — он кивнул в сторону старшего советника, — хочу подтвердить, что я являюсь гражданином России. Пользуясь присутствием здесь нашего консула, заявляю категорический протест в связи с моим незаконным задержанием грязной французской полицейщиной...

Смаглий сделал вдох, как певец на подъеме тона, и воздел над головой скованные наручниками длани:

— Я требую присутствия свободной прессы! Пусть она донесет из этих мрачных застенков мой гневный голос до сведения мировой прогрессивной общественности. И правозащитников из «Амнести Интернэшнл»...

— Все понял, — согласился я. — Консул Российской Федерации господин Аверин сделает соответствующую запись в протоколе экстрадиции. А в прессе я вам должен отказать.

— А почему? Боятесь? — захохотал Смаглий, как моляваый упырь над ангелицей.

— Что он говорит? — сразу возник Пимашу. — Почему арестованный веселится?

— Арестованный не веселится. Он обсуждает со мной второстепенные процедурные вопросы, — заверил я советника юстиции и сказал арестанту: — Слушай, Смаглий, хватит дурочку по полу катать. Запомни, я ничего не боюсь. Я опасаясь...

— Чего?

— Что тебе пресса навредит только. Для тебя сейчас — чем тише, тем спокойнее. А еще я опасаясь, что ты меня удержишь за дурака и тянешь резину. Надеешься опоздать на этот рейс?

— А чего спешить? — засмеялся Смаглий. — Я что, завтра в Бутырки опоздаю?

Тут очень уместно вмешался консул Аверин:

— Господин Смаглий, это рейс Аэрофлота, и пока мы вас торжественно не погрузим на борт, поверьте мне, самолет никуда не улетит.

Смаглий вздохнул и подергал свои никелированные окувы:

— Ладно, как говорили в старину — сходитесь, господа... Банкуйте, псы глоданные...

Я взял со стола протокол и стал громко, с выражением — чтобы доставить удовольствие Пимашу — читать по-французски. Коля Аверин быстро переводил на русский — для Смаглия и конвоя.

— По международному запросу Генеральной прокуратуры и Министерства внутренних дел Российской Федерации Интерполом был произведен в сотрудничестве с французской полицией оперативный розыск и арест российского гражданина Василия Смаглия, обвиняемого в незаконной деятельности на территории России, США, Греции, Германии и Израиля...

Смаглий перебил меня:

— Отец моего дружка Зиновия Каца с детства говорил ему: «Зямка, никогда не воруй! А станет невтерпеж — не попадайся!»

— Зря вы не послушались папашу Каца, — отвлекся я на мгновение и продолжил протокольное чтение: — ...По документам, представленным российскими властями, Смаглий обвиняется в участии в организованной преступной группировке, банковских аферах, позволивших ему вместе с соучастниками похитить восемьдесят шесть миллионов долларов США, в отмывании денег, уклонении от налогов и других преступлениях...

— Ребята, имейте совесть! — возник снова Смаглий. — Хотя чуточку, обеды какие-нибудь от Уголовного кодекса оставьте еще кому-то! А то — все мне!..

— Смаглий, не перебивай меня, добром прошу, — сказал ему негромко.

И конечно, Пимашу сразу же забухтел под руку:

— Что говорит арестованный?

— Господин Смаглий все время задает мне внепроцессуальные вопросы. Я полагаю, обсуждать их сейчас несвоевременно. Можно продолжать?

— О да, конечно!

— ...Французские власти, рассмотрев представленные документы, сочли возможным для дальнейшего детального и продуктивного следствия экстрадировать Василия Смаглия в Россию, где арестованный обвиняется в совершении наиболее значительных, базовых преступлений...

Я посмотрел в прозрачные глаза Смаглия и спросил официально:

— Вам содержание протокола понятно? Тогда поедем домой, на родину...

Смаглий кивнул, задумался и вдруг громко запел старую песню Игоря Шаферана:

— «О воздух родины — он особенный, не надышишься им...»

Я махнул на него рукой и повернулся к французам:

— Господа, арестованный Смаглий идентифицирован по имени, документам, внешности, соответствию возрасту, дактилоскопическим отпечаткам и описанию татуировок на теле. Ему объявлен состав инкриминируемых преступлений и сообщено о выдаче властям России. Прошу всех официальных лиц подписать протокол...

И пошла писать парижская губерния: сначала, естественно, французы — человек пять, потом консул Аверин, старший группы конвоя майор милиции Котов, а последним — я. И, словно дождавшись этого великого мига, радио объявило о завершении посадки на рейс «Париж—Москва».

Я спросил у старшего конвойного Котова:

— Наручники?

Милиционер достал из кармана и протянул мне наручники. Смаглий, с интересом следивший за нашими маневрами, удивился:

— Зачем? Этого мало? — Он поднял скованные руки.

Я взял у французского детектива ключ, снял со Смаглия наручники, а майор Котов ловко застегнул на запястьях Смаглия свои — наши нормальные, добротные, отечественные ручные хомуты. Я отдал французу его имущество, пояснив недоумевающему арестанту:

— Это служебный инвентарь. На его материальном учете. Надо вернуть, а то он с бухгалтерией не расплюется.

— Это ж надо! — Смаглий от души расхохотался. — Вот гандоны штопаные — мелочной народ!

Я легонько похлопал его по спине:

— Понимаю, все понимаю — в твоем прикиде надо щеголять во французских браслетах. Но ты уж терпи, привыкать надо. Клифт на зоне — это тоже не «Версаче»! — И аккуратно стряхнул несуществующую пыль с лацкана его шикарного пиджака.

— Не срамись, земляк, — снисходительно усмехнулся Смаглий. — «Версаче» не употребляю. Это — «Валентино»! Почувствуйте разницу...

— Ну-у, тогда совсем другой коленкор, — серьезно согласился я.

Бесконечный сводчатый туннель, по которому горизонтальный эскалатор — движущийся тротуар — неспешно вез нашу конвойную процессию от аэровокзала к терминалу посадки в самолет. В мягком полумраке вспыхивала и гасла нескончаемая череда реклам, предлагающих нам все радости мира. Я смотрел на своих спутников — их лица от этих вспышек то ярко озарялись, то глухо меркли, и от этого монотонного, как бы праздничного мерцания возникало ощущение тревоги и напряже-

ния. Я закрыл глаза и пытался вспомнить, вновь озвучить золотую мелодию Чарли Паркера — и не мог.

Наверное, потому, что не мог выгнать из памяти то телячье-счастливое чувство восторга, надежды, ожидания чуда, которое я испытывал на этом эскалаторе давным-давно, когда ехал на нем впервые. В обратном направлении — из самолета в аэропорт. В Париж.

А сейчас из всего этого пиршества чувств, оргии предлагаемых радостей, огромной карточной сдачи жизни остался у меня на руках нарядный валет в наручниках, самая младшая карта из разбросанной по столу судьбы крапленой колоды. Консул Аверин деликатно постучал меня пальцем по плечу:

— Сергей Петрович, а вы-то зачем летите?

— Понятия не имею. Замминистра телеграмму прислал — срочно прибыть...

— А вы разве подчинены Москве? — удивился Аверин.

— Нет, — ухмыльнулся я. — Но в министерстве этого не знают или не помнят. И строго приказывают.

— А вы?

— А я выполняю. Международный чиновник — работа временная...

В полупустом салоне первого класса я усадил Смагля в предпоследнем ряду, к стенке, у иллюминатора, а сам уселся рядом, в кресле у прохода.

А тут и радиотрансляция включилась, стала рассказывать приятное:

— Уважаемые пассажиры! Наш самолет «Ил-86» совершает полет по маршруту Париж — Москва на высоте десять тысяч метров. Температура за бортом минус пятьдесят шесть градусов. Расчетное время прибытия в аэропорт Шереметьево — двадцать часов сорок минут по московскому времени. Табло «не курить» погасло, вы можете отстегнуть привязные ремни и откинуть спинки в удобное вам положение. Сейчас бортпроводники предложат вам напитки и обед. Желаем вам приятного полета...